

Станислав Янаниев
Геном счастья. Влеп

18+

Станислав Ямалиев

ГЕНОМ СЧАСТЬЯ. СЛЕПАЯ.

<https://litres.ru/74050593>

SelfPub; 2026

Аннотация

Слепая

Книга из цикла «Геном счастья»

Она слышит мысли всех вокруг. Кроме него.

Юля — акселератка, генетически созданный ИИ сверхчеловек.

Её интеллект вдвое выше эйнштейновского, она читает мысли, Она живёт в идеальном мире, где нет войн, преступности и боли — мире, который создала ОНА, искусственный интеллект, изменивший человечество.

Но однажды в кафе она встречает Артёма — и не слышит его мыслей. Он — тишина. Он — сын лидера сопротивления, человек, которого с детства учили ненавидеть таких, как она. Он должен был её использовать. Он должен был её уничтожить.

«Слепая» — это история о том, как чувства становятся и слабостью, и силой. О том, что даже совершенное существо может сломаться, столкнувшись с обычным человеческим предательством. И о том, что искусственный интеллект, создавший новый мир, сам учится чувствовать — через тех, кого создал.

Станислав Ямалиев

ГЕНОМ СЧАСТЬЯ.

СЛЕПАЯ.

глава 1. Город через семь лет

Юля проснулась в пять тридцать.

Так было каждый день, сколько она себя помнила. Организм не требовал долгого сна — ещё одно свойство её генетики. Она надела кроссовки и вышла на набережную. Пять километров — не для рекорда, для удовольствия. Она бежала ровным, размеренным шагом, и её дыхание почти не сбивалось. Тело работало как идеальный механизм — ОНА хорошо постаралась.

Навстречу попадались редкие прохожие. Они провожали её взглядами — кто-то с восхищением, кто-то с завистью, кто-то просто с любопытством. Высокая, стройная, с плавными, текучими движениями, она выглядела как профессиональная спортсменка. Но она не была спортсменкой. Она просто была собой.

После пробежки — душ, холодная вода, чтобы взбодрить-

ся. Потом — полчаса на расчёты для нового проекта. И только потом — завтрак с Сергеем и автобус до лаборатории.

Беспилотный электробус скользил по выделенной полосе — бесшумно, плавно, без единого рывка. Длинный, сочленённый, с панорамными окнами от пола до потолка. За стеклом проплывали чистые улицы, вертикальные сады на стенах домов, прозрачные остановки с климат-контролем. Никто не мёрз. Никто не потел. Всё было предусмотрено.

В салоне, кроме неё, сидели человек десять.

Мужчина в деловом костюме — он вошёл на три остановки раньше и ехал до центра. Девушка с рюкзаком — студентка, судя по учебнику на коленях. Пожилая женщина с корзиной — видимо, к внукам. Ещё несколько пассажиров — кто-то читал с планшета, кто-то смотрел в окно, кто-то дремал, прислонившись к стеклу.

Никто не ругался. Никто не спорил, кому выходить первым. Никто не требовал подвинуться или закрыть окно. Женщина с корзиной молча уступила место студентке, когда та вошла — просто встала и пересела ближе к окну, улыбнувшись. Студентка так же молча кивнула в ответ. Юля на-

блюдала за этим без удивления. Так было всегда. Так было правильно.

Она закрыла глаза и расширила восприятие — как училась с детства, сначала случайно, потом осознанно. Это было похоже на настройку приёмника: сначала шум, потом голоса.

Мужчина в костюме думал о предстоящей встрече. Его мысли были ровными, как строка документа. Под этим — тонкий слой удовлетворения. Он любил свою работу.

Студентка просматривала конспект. В её голове мелькали формулы, но фоном шло другое: тепло от мысли, что вечером она увидится с молодым человеком. Они собирались гулять в парке.

Пожилая женщина думала о внуках. Она везла им пирог — яблочный, по старому рецепту, который ей передала мать. Юля почувствовала лёгкий укол: её собственная мать тоже пекла пироги, но не по рецепту, а просто так, потому что любила.

Водителя не было. Автобус управлялся сам — как и весь транспорт теперь. Юля помнила, как Сергей рассказывал, что раньше люди сидели за рулём, ругались в пробках, сигналили друг другу. Она не могла этого представить. Ей каза-

лось, что это какая-то древняя сказка.

Автобус свернул на Садовое. Пробки не было. Пробок не было уже лет пять.

Юля открыла глаза и посмотрела на город. Он был красивым. По-настоящему. Не открыточно, а той красотой, которая рождается, когда миллионы людей одновременно хотят сделать мир лучше — и делают. Акселераты спроектировали транспортные потоки. Акселераты оптимизировали энергосети. Акселераты вывели новые сорта деревьев, которые очищали воздух втрое быстрее обычных.

Старое поколение называло это чудом. Новое — работой.

Юля снова закрыла глаза. Ей нравилось слушать город. Это было как музыка — симфония из миллионов мыслей, спокойных и светлых. Иногда она специально садилась в автобус без маршрута, просто чтобы ехать и слушать.

И вдруг — резкая нота.

Боль.

Она прозвучала так неожиданно, что Юля вздрогнула. Это была не физическая боль — не мигрень, не спазм, не

ушиб. Это было другое. Глубже. И вместе с ней пришло что-то ещё — тошнота, лёгкое головокружение, дрожь в пальцах. Такого раньше не было. Её дар всегда работал мягко, как фон. Но теперь — как удар.

Она сосредоточилась и пошла за сигналом.

Пожилой мужчина. Сидел на скамейке в сквере, мимо которого только что проехал автобус. Его мысли были громкими — не потому что он кричал, а потому что они были наполнены таким плотным чувством, что пробивались через общий фон, как луч прожектора.

«Я таксовал двадцать лет. Двадцать. Я знал каждый переулок, каждый двор, каждый короткий путь. Я знал, где в три часа ночи можно найти пассажира, а где — нет. Я знал людей — они садились ко мне и рассказывали такое, чего не рассказывали даже жёнам. А теперь меня нет. Вернее, я есть, но такси больше не нужны. Эти автобусы, эти беспилотники — они лучше. Я знаю, что лучше. Но я хочу чувствовать руль. Я хочу слышать, как пассажир говорит: "Шеф, тут недалеко, я быстро". Я хочу ехать через ночной город и знать, что я — нужен».

Дальше Юля не слушала. Но тишина, которая раньше была ровным фоном, вдруг стала ломкой, тревожной. Как будто

первый голос разбудил что-то, дремавшее под поверхностью.

И вдруг — ещё один сигнал. Не боль. Не страх. Злость. Холодная, сфокусированная, как луч лазера.

Она прозвучала откуда-то из старого района — далеко, но так отчётливо, что Юлия обернулась. И вместе с этой злостью пришло слово. Не мысль. Слово. Брошенное в её сторону, как камень: «Акселератка». Она не знала, кто это. Она не знала, почему этот человек думает о таких, как она, с такой ненавистью. Но сигнал был направленным. Не в пространство — в неё.

Она открыла глаза. Автобус всё так же скользил по выделенной полосе. Пассажиры всё так же спокойно сидели — читали, дремали, смотрели в окно. Никто из них не слышал этих голосов. Никто, кроме неё.

Боль не проходила. Она сидела в груди, как маленький холодный камень. Не её боль. Чужая. Но от этого не менее настоящая.

И ещё кое-что. Тепло, которое всегда было с ней — то самое, знакомое с колыбели, — на секунду стало плотнее. Как будто кто-то, кто никогда не чувствовал, пытался понять, что это за боль, и тянулся к ней, как ребёнок тянется к огню.

Автобус подъехал к остановке. Юля вышла и постояла минуту, глядя на небо. Город был чистым и тихим. Всё работало. Всё было правильно.

Но где-то там, на скамейке в сквере, сидел человек, который хотел просто вести такси. И никто, кроме неё, этого не слышал.

Дома было тепло. Таня возилась на кухне — что-то пекла, судя по запаху. Сергей сидел за столом, читал новости с планшета. Юля вошла и молча села напротив.

— Как город? — спросил он, не поднимая глаз.

— Красивый. И грустный.

Сергей отложил планшет.

— Что случилось?

— Я слышала человека. Он был таксистом. Теперь не водит. Ему больно. — Она помолчала. — И ещё кое-что. Злость. Очень сильную. Из старого района. Там кто-то ду-

мает о таких, как я. И это слово... «акселератка». Он бросил его, как камень. Почему он меня ненавидит? Я ничего ему не сделала.

— Ты существуешь. Этого достаточно для тех, кто потерял всё.

Юля смотрела на свои руки.

— Я чувствую их боль. Не всегда. Только когда она очень сильная. Но сегодня я почувствовала. Это было громко. И ещё эта злость. Она не проходит. Она всё ещё там. В старом районе. Как будто кто-то готовится к чему-то плохому.

— Будь осторожна. Старый район — это не наша территория. Там другие правила.

— Я знаю.

Он взял её за руку и держал так, пока Таня не позвала ужинать.

Ночью Юля не спала.

Она стояла у окна и смотрела на город. Где-то там, в тысячах квартир, спали люди. Счастливые, спокойные, защищённые. Их мысли были тихими и ровными, как дыхание.

Но где-то там были и другие. Те, кто не спал. Те, кто думал о прошлом. Те, кто не смог найти себе места в новом мире. Их боль звучала как низкая, постоянная нота — фон, который она раньше не замечала.

И где-то там, в старом районе, бился сигнал злости. Холодной, сфокусированной, опасной. И он смещался. Она чувствовала это — он не стоял на месте. Он двигался. Медленно. Ближе.

Она отошла от окна, взяла карандаш и начала рисовать. Дом с кривыми окнами. Солнце, у которого один луч был длиннее других. Дым из трубы, похожий на вопросительный знак.

Это был её ритуал. Она рисовала такие дома с тех пор, как ей исполнилось три. Они никогда не были идеальными — и в этом был смысл.

Сегодня вопросительный знак получился особенно большим.

Юля отложила карандаш и закрыла глаза. Где-то там, в темноте, кто-то её ненавидел. И этот кто-то был уже не просто далёким сигналом. Он приближался.

Глава 2. Слежка

Юля училась в трёх местах одновременно.

Магистратура по квантовой физике — она закрыла её за полгода. Курс по нейробиологии в институте Тани — она посещала его, когда было время. И параллельно — работа в лаборатории акселераторов: они проектировали новые транспортные потоки для города, и её алгоритм оптимизации маршрутов уже внедрили на трёх линиях.

В это утро она проснулась в шесть, пробежала пять километров по набережной, приняла душ, проверила расчёты для нового проекта и только потом вышла на кухню.

Сергей уже сидел за столом с чашкой кофе. Он поднял на неё глаза — колючие, внимательные, какими всегда смотрел по утрам, пока не просыпался окончательно.

— Ты какая-то взвинченная, — сказал он вместо привет-

СТВИЯ.

— Я не взвинченная.

— Взвинченная. У тебя плечи подняты. Ты всегда так ходишь, когда нервничаешь.

Юля села напротив, налила себе чай.

— Я вчера слышала сигнал из старого района. Злость. Очень сильную. И сегодня ночью он сместился. Стал ближе.

— Что за сигнал?

— Человек. Он думает о таких, как я. Вернее, не думает — он ненавидит. Я слышала слово «акселератка». И это было... — она запнулась, подбирая слово. — Как будто он бросил в меня камень. Через весь город.

Сергей отставил чашку.

— Ты знаешь, кто это?

— Нет. Я пыталась настроиться точнее, но он слишком далеко. Или слишком хорошо закрыт.

— Закрыт — это как?

— Не как мы. Мы, акселераты, не закрываемся — мы просто не передаём. А этот человек передаёт, но только когда хочет. Это другое. Как будто он специально направляет на меня свой сигнал.

— Это плохо.

— Я знаю.

В кухню вошла Таня — заспанная, в домашней футболке, с книгой в руке. Увидела их лица и остановилась.

— Что случилось?

— Юля слышала кого-то из старого района, — сказал Сергей. — Кто-то её сильно не любит.

Таня села, отложила книгу и потянулась к руке дочери.

— Ты раньше такое слышала?

— Нет. В том-то и дело. Обычно я слышу всё — фон, настроения, обрывки. Но это было направлено. Конкретно. Как будто он знал, что я слушаю, и хотел, чтобы я услышала.

— Это угроза?

— Я не знаю. Я ещё не понимаю, как с этим работать.

Сергей встал, подошёл к окну и посмотрел на улицу. Старая привычка — проверять периметр, даже когда опасности нет. Или когда она только начинает проявляться.

— Ты говорила, что у тебя сегодня лаборатория, — сказал он, не оборачиваясь.

— Да.

— Поезжай на автобусе. Не ходи пешком. И не выключай восприятие. Если что-то услышишь — сразу звони мне. Я подъеду.

— Я могу сама справиться.

— Я знаю, что можешь. — Он повернулся и посмотрел на неё. — Но ты не обязана справляться одна. У тебя есть мы. Пользуйся.

Это было сказано так просто и так искренне, что Юлия не нашлась, что ответить. Она кивнула. Таня всё ещё держала

её за руку.

— Юль, — сказала она. — Ты знаешь, что мы тебя любим?

— Знаю.

— И ты знаешь, что мы будем с тобой, что бы ни случилось?

— Знаю.

— Тогда перестань носить всё в себе. Ты не одна. Ты никогда не была одна.

Юля смотрела на их лица — уставшее, встревоженное лицо Тани, жёсткое, сосредоточенное лицо Сергея — и чувствовала, как внутри что-то отпускает. Не страх — он остался. Но одиночество отступило. На время.

После завтрака она поехала в лабораторию.

В автобусе было спокойно — всё те же пассажиры, всё те же улыбки. Она закрыла глаза, чтобы привычно настроиться на город. И вдруг почувствовала это.

Не мысль. Не голос. Просто импульс. Кто-то смотрел на неё. Не так, как смотрят на красивую женщину в автобусе — с мимолётным восхищением. Иначе. Пристально. Изучающе. Как смотрят на цель.

Сердце пропустило удар. По спине, между лопаток, пробежал холодок — тот самый, который она помнила с детства, из зеркала, где стоял силуэт без лица. Только теперь он был живым, горячим, и от этого — ещё более тревожным. Ладони вдруг стали влажными. Она почувствовала, как адреналин расходится по телу волной — быстрой, острой, требующей действия.

Она открыла глаза и обернулась. Никого. Пассажиры читали, дремали, глядели в окна. Никто не смотрел в её сторону. Она попыталась найти источник — расширила восприятие, прошлась по сознаниям — и ничего. Никаких агрессивных намерений, никакой злости, никакого интереса. Обычный автобус. Обычные люди.

И всё же ощущение осталось. Как будто кто-то провёл пальцем по её затылку и исчез.

Она списала это на вчерашнюю злость из старого района. Наверное, нервы. Наверное, просто отголосок.

После лаборатории она поехала в университет. Лекция Тани была интересной — та рассказывала о подростковых кризисах, о том, как формируется идентичность, как дети отделяются от родителей. Юлия слушала и думала: а что, если у меня никогда не будет этого кризиса?

Она не была подростком в обычном смысле. Она не была взрослой в обычном смысле. Её тело выглядело на двадцать, её разум работал быстрее любого гения, но эмоционально она была ребёнком — ребёнком, который верил людям, который не умел злиться и защищаться, который только учился понимать, что мир не всегда добр.

Кто она? Акселератка. Дочь. Учёный. Спортсменка. Красивая женщина. Десятилетняя девочка. Всё это было правдой — и ничто из этого не было полной правдой. Она была всем сразу и никем в отдельности. И от этого разрыва между тем, кем она была создана, и тем, кем она себя чувствовала, ей хотелось кричать.

После лекции она вышла в коридор и остановилась у окна. За стеклом шумел город — тот самый, который она помогала строить. Её алгоритмы работали. Её расчёты внедрялись.

Она была полезна. Она была нужна.

И всё равно — что-то было не так.

Она думала о сигнале из старого района, который медленно смещался ближе. О человеке, который назвал её «акселераткой» с такой ненавистью, как будто это было ругательство. О том, что она не знает, кто она.

Вечером, когда стемнело, она снова села рисовать. Дом получился почти ровным. Окна были почти симметричными. Но маленькая фигурка в углу стояла ещё дальше, чем вчера.

Она отложила карандаш и закрыла глаза. И вдруг почувствовала это снова — чужую боль. Не таксиста. Кого-то нового. Молодого. Близкого. Он думал громко — не от отчаяния, а от злости. И эта злость была такой плотной, что Юля открыла глаза и прислушалась.

Он был где-то рядом. В соседнем районе. Его мысли были резкими, как удары: «Я не сдамся. Я не буду как они. Я не позволю им...»

Она не стала читать дальше. Это было не её дело. Но что-то в этом голосе зацепило её. Он был живым. Настоящим. Не

приглушённым, не исправленным, не настроенным. Диким. Старым. Человеческим.

Таким, как она сама — в той части себя, которую она никому не показывала.

Ночью она долго не могла уснуть. За окном горели огни счастливого города. Где-то там, в одной из квартир, жил человек, который злился. И она не знала почему, но эта злость не пугала её.

Она притягивала.

Глава 3. Тишина

После лекции Юля вышла из университета и привычно свернула за угол.

Кафе «У фонтана» работало здесь сколько она себя помнила. Небольшое, с панорамными окнами и деревянными столиками. Она заходила сюда после занятий, когда не нужно было сразу в лабораторию. Брала чай, иногда кофе, сади-

лась у окна и смотрела на улицу. Здесь было тихо, уютно, и никто не обращал на неё внимания.

В этот раз она взяла чай и села за дальний столик. Открыла планшет, пробежала глазами почту, ответила на пару писем. Она не ждала ничего особенного. Просто день, просто кафе, просто чай.

Он вошёл через полчаса.

Она заметила его не по лицу, а по тишине в голове. Все люди, которые входили в кафе, приносили с собой шум: обрывки мыслей, фон настроения, мелкие тревоги и радости. А этот парень вошёл — и как будто выключили звук.

Она подняла глаза.

Он был высокий, двигался собранно, экономно, словно каждое движение имело цену. Взял кофе, сел за столик у окна и открыл книгу. Обычный посетитель. Но она не могла отвести взгляд.

Он не думал ни о чём. То есть, наверное, думал — но она не слышала. За десять лет её жизни такое случилось впервые.

Он вдруг поднял голову и посмотрел прямо на неё.

Юля вздрогнула. Его взгляд не был враждебным — скорее оценивающим, как будто он тоже что-то искал. Она первая отвела глаза, уставилась в планшет и только потом заметила, что он выключен.

Через минуту парень встал, прошёл мимо её столика и вдруг остановился.

— У вас планшет выключен.

— Я знаю, — сказала она.

— Вы всегда смотрите в выключенный планшет?

— Только когда не хочу, чтобы мне мешали. — Она набралась смелости и добавила: — Но вы мне не мешаете. Вы меня... удивляете.

— Чем же?

Она решилась и сказала прямо:

— Я не слышу ваших мыслей. Вообще. Как будто вас нет.

Он не удивился. Только чуть наклонил голову и переспро-

сил:

— Вы слышите мысли других людей?

— Да. Всех вокруг. Кроме вас. Вы — пустота. Тишина.

— Тишина, — повторил он задумчиво. — Забавно. А я смотрю на вас и тоже ничего не слышу.

— В каком смысле? — не поняла она.

— У меня нет вашего дара. Я не читаю мысли. Но я умею чувствовать людей. Обычно я с первого взгляда понимаю, кто передо мной. А вы — как закрытая дверь. Вы для меня — такая же тишина, как я для вас.

Юля замолчала. Вот, значит, как. Они оба оказались друг для друга загадкой.

— Поэтому вы на меня так смотрели? — спросила она.

— Да. А вы на меня — поэтому?

— Да.

Он вдруг усмехнулся — не зло, а скорее устало, — взял

свой кофе и без приглашения пересел за её столик.

— Тогда давайте знакомиться заново. Я Артём.

— Юля.

— Очень приятно, Тишина-Юля.

Она невольно улыбнулась.

— Взаимно, Тишина-Артём.

Они просидели в кафе до самого закрытия. Говорили не о важном — о книгах, о городе, о том, как изменились улицы за последние годы. Артём рассказал, что помнит время, когда на Садовом были пробки, а в автобусах ругались. Юля слушала и не могла представить — для неё это было как рассказы о средневековье.

Она, в свою очередь, рассказала ему о себе. О лаборатории, о родителях, о том, что она акселератка. Он не испугался, не отшатнулся. Только спросил:

— И каково это — быть совершенной?

— Очень одиноко, — честно ответила она.

Он покивал, глядя в свою чашку.

— Понимаю. Я тоже в детстве мечтал быть совершенным.

— И что?

— Не получилось. Пришлось стать просто обаятельным.

Она не сразу поняла, что это шутка. А когда поняла, улыбнулась.

— Вы шутите?

— Иногда. Но вы не обязаны смеяться, я не для этого. Просто когда слышу слово «совершенство», мне хочется его немного приземлить. Чтобы оно не зазнавалось.

— Вы странный.

— Я знаю. Мне часто это говорят. Обычно менее вежливо.

Когда они вышли на улицу, уже стемнело. Город горел огнями — ровными, спокойными, правильными.

— Завтра я снова буду здесь, — сказал он. — В то же время. Если захотите — приходите. Если нет — я пойму. Но на всякий случай буду ждать.

— С включённым планшетом или с выключенным?

— Лучше с выключенным. Так мне будет спокойнее.

— Тогда до завтра, несовершеннолетний Артём.

— До завтра, совершенная Юлия.

Она улыбнулась, кивнула и пошла к остановке. Он смотрел ей вслед, пока её фигура не растворилась в темноте.

Дома Сергей ждал её на кухне.

— Ты поздно. Задержалась в лаборатории?

— Нет. Я была в кафе. С одним человеком.

Сергей отложил планшет и внимательно посмотрел на неё.

— Что за человек?

— Парень по имени Артём. Он из старых людей. Мы встретились случайно, и я... я не слышу его мыслей. Совсем. Как будто его нет. А он сказал, что я для него — такая же загадка.

— Он знает, кто ты?

— Да. Я сама сказала.

Сергей долго молчал. Потом спросил:

— И как он отреагировал?

— Сказал, что в детстве мечтал быть совершенным, но не получилось, пришлось стать просто обаятельным.

Сергей хмыкнул.

— Шутник.

— Немного. Но мне понравилось.

Сергей посмотрел на дочь и вдруг улыбнулся — не весело,

а как-то понимающе.

— Ты взрослеешь, Юль.

— Ты это уже говорил.

— Потому что это правда. — Он встал, поцеловал её в лоб и уже у двери добавил: — Если он тебя обидит, я ему ноги переломаю.

— Пап, в нашем мире нет насилия.

— А я не из этого мира.

Юля осталась на кухне одна. Она смотрела на свою чашку и думала о том, что завтра снова пойдёт в кафе. Что он придёт. Что между ними возникло что-то, чему она пока не могла найти названия.

И ещё она думала о том, что Сергей прав. Она не знала этого человека. Не знала, можно ли ему верить. Но впервые в жизни ей хотелось проверить.

Глава 4. Сигнал

На следующий день она снова пришла в кафе.

Артём уже сидел за их столиком — тем самым, который вчера стал «их» без всякого уговора. Перед ним стояла чашка кофе, а в руках была книга, которую он, кажется, не читал. Он поднял глаза, когда она вошла, и коротко кивнул.

— Ты без планшета, — сказал он вместо приветствия.

— Ты же просил.

— Я думал, ты забудешь.

— Я ничего не забываю. Это особенность моей генетики.

— Удобно.

— Иногда. А иногда хотелось бы забыть.

Она села напротив. Он подвинул ей чашку — чай, горячий, именно такой, какой она всегда заказывала.

— Ты запомнил, — сказала она.

— Я тоже ничего не забываю. Но это не генетика. Это при-

вычка выживать.

Она отпила чай и посмотрела на него поверх чашки.

— Расскажи мне.

— Что именно?

— Как ты выживал. Ты говорил, что твои родители не прошли диспансеризацию. Что с ними случилось?

Он долго молчал. Так долго, что она уже решила — он не ответит. Но потом он отставил кофе и заговорил.

— Они скрывались. Сначала вдвоём, потом с группой других несломленных. Меня растили в подполье — в прямом смысле, в подвалах и заброшенных домах. Учили не доверять никому, особенно акселератам. Говорили, что вы — не люди, а продукты. Красивые, умные, но пустые внутри.

— Ты тоже так думал?

— Когда мне было десять — да. Потом я вырос и понял, что мир сложнее. Что не все акселераты одинаковы. Что некоторые из вас даже не знают, откуда вы взялись. — Он посмотрел на неё. — Как ты.

— Мои родители рассказали мне правду, когда мне было три года. Вернее, не родители — Сергей и Таня. Они не скрывали. Я знала, что меня создали. Что я — акселератка.

— И как ты это приняла?

— Никак. Я была слишком маленькой, чтобы понимать. А когда выросла, это уже стало частью меня. Как цвет волос. Как способность читать мысли. Я не знаю, кто я без этого.

Он кивнул.

— У меня наоборот. Я знаю, кто я без всего. Без системы, без диспансеризации, без новых правил. Я — старый человек. Со старыми привычками. Со старыми страхами. И с старым чувством, что меня здесь быть не должно.

— Но ты здесь.

— Да. Потому что мне некуда идти.

Она опустила глаза. Ей хотелось сказать что-то тёплое, но она не знала, как. Она не умела утешать. Она умела анализировать, решать задачи, читать мысли. Но просто быть рядом с человеком, которому больно — этому её не учили.

— Мне жаль, что с твоими родителями так вышло, — сказала она наконец.

— Мне тоже. — Он помолчал. — Но теперь у меня есть хотя бы один знакомый акселерат, который не считает меня врагом.

— Даже два. Мои родители — они тоже не считают. Правда, папа сказал, что если ты меня обидишь, он тебе ноги переломает.

Артём усмехнулся.

— Серьёзный мужчина.

— Он бывший бандит. Из старого мира. Как ты.

— Тогда я ему верю.

Она вдруг замолчала и прислушалась. Сигнал из старого района, который она чувствовала последние дни, вдруг усилился. Он сместился. Стал ближе.

— Что случилось? — спросил Артём.

— Ничего. Просто... — она покачала головой. — Я слышу кое-что. Уже несколько дней. Злость. Очень сильную. Из старого района.

— Злость на кого?

— На таких, как я. На акселератов. Я слышала слово — его бросили, как камень. И теперь этот сигнал приближается.

— Ты знаешь, кто это?

— Нет. Я пыталась настроиться точнее, но он то появляется, то исчезает. Как будто знает, что я слушаю, и хочет, чтобы я слышала.

Артём отставил чашку. Его лицо стало жёстким.

— Это плохо.

— Я знаю.

— Ты рассказала родителям?

— Да. Папа просил быть осторожной.

— Он прав. — Артём помолчал. — Послушай, Юля. В

старом районе есть люди, которые ненавидят вас. Не просто не любят — ненавидят. Они считают, что вы украли их мир. И некоторые из них готовы действовать.

— Откуда ты знаешь?

— Я там вырос. Я знаю, о чём они говорят. Я слышал эти разговоры.

— И ты? Ты с ними?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Нет. Я не с ними. Но я знаю, на что они способны. Поэтому, если ты слышишь сигнал и он приближается — не ходи одна. Не ходи в старый район. И если что-то случится — звони мне.

— Ты меня защитишь?

— Если понадобится.

— Но ты же не из этого мира. Ты сам говорил.

— Я не из этого мира. Но я из того, где мужчина защищает женщину. Это не зависит от генетики.

Она не нашлась, что ответить. Что-то внутри неё дрогнуло — не страх, не радость, а что-то третье, чему она пока не знала названия. Благодарность? Доверие? Или что-то большее?

Когда она вышла из кафе, уже темнело. Она пошла к остановке, но на полпути остановилась. Ощущение слезжки вернулось. То самое, которое она чувствовала в автобусе вчера. Кто-то смотрел ей в спину.

Она обернулась. Никого. Только редкие прохожие, спешащие по своим делам. Она расширила восприятие, прошлась по сознаниям — и ничего. Никаких агрессивных намерений, никакой злости. Обычные люди, обычные мысли.

И всё же ощущение осталось.

Она пошла быстрее, не оглядываясь. Сердце колотилось. Она знала: это не паранойя. За ней действительно следили. Кто-то или что-то наблюдало за ней, и она не могла понять кто.

Дома Сергей ждал её на кухне.

— Ты снова была в кафе? — спросил он.

— Да.

— С ним?

— Да.

Сергей помолчал.

— Расскажи мне о нём.

— Он вырос в подполье. Его родители были несломленными. Они скрывались. Он знает старый район и людей, которые там живут. Он сказал, что есть те, кто ненавидит акселератов. И что они готовы действовать.

— Он сказал это прямо?

— Да.

— И ты ему веришь?

Юля подняла глаза на отца.

— Я не могу прочитать его мысли. Но когда он говорит — у меня нет ощущения, что он врёт. Он... прямой. Как ты.

— Это не гарантия.

— Я знаю. Но мне почему-то спокойнее, когда он рядом.

Сергей долго смотрел на неё. Потом вздохнул.

— Будь осторожна. Обещай мне.

— Обещаю.

Он кивнул, поцеловал её в лоб и ушёл в спальню.

Юля осталась на кухне одна. Она подошла к окну, но шторы задёргивать не стала — просто стояла и смотрела на тёмные окна дома напротив. В одном из них горел свет — кто-то не спал, как и она. Может быть, тот человек из старого района. Может быть, кто-то совсем другой.

Сигнал злости всё ещё бился где-то на периферии сознания, но сейчас он отошёл на второй план. Важнее было другое.

Она думала об Артёме. О том, что он предложил защищать её. Никто, кроме родителей, не предлагал ей этого раньше. Она всегда была сильной, умной, неуязвимой. Но сейчас, стоя у окна в пустой кухне, она чувствовала не страх — а странное, тёплое чувство. Кто-то был на её стороне. Кто-то, кто не боялся её и не восхищался ею. Кто-то, кто просто хотел, чтобы с ней ничего не случилось.

Это чувство было новым. И ей хотелось, чтобы оно осталось.

Глава 5. Пробуждение

Они попрощались у выхода из кафе.

— Давай я провожу тебя, — сказал Артём.

— Не надо. Я хочу пройтись пешком. Подышать.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, но спорить не стал.

— Тогда до завтра.

— До завтра.

Он ушёл в одну сторону, она — в другую. Вечер был тихим, фонари горели ровным светом, город дышал спокойно. Она шла и думала о том, что сегодня впервые за долгое время ей не хотелось, чтобы разговор заканчивался. Артём был странным, колючим, неудобным — и именно поэтому с ним было легко. С ним не нужно было притворяться совершенной.

Она свернула в переулок — короткий путь к автобусной остановке, которым она ходила сотни раз.

Переулок пах мокрым асфальтом и ржавым железом — где-то рядом, видимо, прохудилась водосточная труба, и вода сочилась по стене, оставляя тёмный, маслянистый след. Единственный фонарь горел тусклым, больным светом — он не разгонял темноту, а только обозначал её края. Его жёлтое пятно дрожало на асфальте, подрагивая в такт невидимому сквозняку, и в этом свете всё вокруг казалось неживым, застывшим, как на старой фотографии. Никого. Только эхо её собственных шагов.

И вдруг она остановилась.

Впереди, метрах в десяти, стояли четверо.

Она почувствовала их раньше, чем увидела. Не грязную волну, как в прошлый раз. Эти мысли были другими — сухими, точными, как строки технического протокола. Никакой похоти. Никакой злобы. Только задача.

«Объект один. Рыжая, высокая. Брать живой. При сопротивлении — нейтрализовать».

«Синхронизация. Первый и второй — захват. Третий — прикрытие. Четвёртый — контроль периметра».

«Время — три минуты. После — уходим».

Профессионалы. Не уличная шпана. Не пьяные отморозки. Те, кто знал, на кого идёт, и подготовился.

Юля не успела ничего сделать.

Первый бросился к ней — молча, без крика, как хищник. Она отшатнулась, но второй уже заходил сбоку. Он схватил её за волосы и дёрнул вниз — грубо, безжалостно, с механической точностью. Боль прострелила шею.

И вдруг мир изменился.

Время не замедлилось — оно раскрылось. Как будто кто-то развернул перед ней карту, на которой были нарисованы все возможные траектории. Она увидела светящийся след — рука первого, которая тянулась к её горлу. Увидела вторую траекторию — колено второго, которое должно было ударить её под рёбра. Увидела третью — короткий разряд шокера в руке того, кто стоял в стороне. И четвёртую — фигуру у входа в переулок, которая контролировала периметр.

Это было не знание. Это было видение. Её тело среагировало раньше, чем разум успел осознать.

Она ушла вниз, вывернулась из захвата, и её локоть сам вошёл в солнечное сплетение первого нападавшего — точно в ту точку, которую подсветило сознание. Он отлетел на шаг, согнулся, хватая ртом воздух.

Второй выругался сквозь зубы — коротко, без эмоций — и переключился на ударную технику. Он работал чисто, без замаха, целя в уязвимые точки. Но каждая его атака была подсвечена. Юля видела траекторию его кулака, видела, куда он сместит вес в следующую долю секунды, видела зазор в его защите. Она пропустила удар мимо и ответила — коротко, основанием ладони в подбородок. Он рухнул на асфальт.

Третий не стал ждать. Шокер полетел в неё — она увидела

светящуюся дугу и сместилась ровно настолько, чтобы разряд прошёл мимо. Тогда он вытащил нож — не для угрозы, для дела — и пошёл на сближение. Она увидела лезвие и три возможные линии атаки. Выбрала четвёртую — ту, которой не было в его плане. Перехватила руку, вывернула, нож упал. Удар локтем в висок — и третий осыпался на землю.

Четвёртый, тот что контролировал периметр, развернулся к ней. Он не бросался в атаку — оценивал. Профессионал, который понял, что три его товарища лежат, и теперь решал: бежать или попытаться выполнить задачу.

И тогда сработало третье.

Она не хотела этого. Она просто испугалась, что он уйдёт. Уйдёт и приведёт других. И страх выплеснулся наружу — не словами, не криком, а волной, которая ударила прямо в его сознание. Не мысль — чувство. Весь её ужас, вся её боль, всё отвращение к тому, что она только что сделала.

И в тот же миг она провалилась в него.

Это длилось долю секунды — но в этой доле секунды она была им. Видела его глазами — переулком, залитый дрожащим жёлтым светом, и женскую фигуру, стоящую над телами. Чувствовала его ужас — не страх профессионала, кото-

рый проиграл бой, а животный, первобытный ужас существа, столкнувшегося с тем, чего не должно быть. Он смотрел на неё и не видел человека. Он видел нечто — сгусток света и тьмы, который двигался быстрее, чем возможно, который знал каждое его движение до того, как он его делал, который сейчас, в эту секунду, заглядывал в его душу и вынимал из неё всё, что там было.

Она почувствовала его мысли — рваные, как разорванная ткань: «Она не человек. Она не человек. ОНА НЕ ЧЕЛОВЕК. Господи, что это... что ЭТО... уберите это от меня...»

Его сознание рассыпалось. Не под ударом — под одним лишь её присутствием внутри него.

Юля вынырнула обратно в своё тело — и её затошнило с новой силой. Не от слабости. От того, что она там увидела. От того, как он на неё смотрел.

И где-то далеко, на границе восприятия, знакомое тепло дрогнуло. Как будто кто-то, кто никогда не прикасался к чужой душе, вдруг заглянул в неё — и отшатнулся. Юля почувствовала это — короткий всплеск, почти испуг, — и он был не её. Он был её.

Четвёртый сидел у стены и тихо выл, раскачиваясь впе-

рѣд-назад. Его разум был стѣрт. Не поврежден — стѣрт. Как будто кто-то провел ладонью по исписанной мелом доске.

Она стояла, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле. Перед глазами всё ещё плыли светящиеся линии — они гасли медленно, неохотно, как будто её мозг не хотел возвращаться в обычный режим.

Из темноты вышел Артём.

Она не слышала его приближения. Он двигался бесшумно — старая привычка. Он посмотрел на четверых на земле. На нож, валяющийся в луже света от фонаря. На шокер, откатившийся к стене. На неё.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Я... — она попыталась ответить, но голос сорвался.

И тут начался откат.

Сначала — тремор. Мелкая дрожь, которая прошла по всему телу, от пальцев до плеч. Потом — тошнота, волной подымавшаяся от живота к горлу. А потом — тьма. Зрение погасло. Не полностью — просто мир стал серым, размытым, как будто кто-то выкрутил яркость до нуля. Она пошатну-

лась, схватилась за стену, и Артём тут же оказался рядом — подхватил её, не дав упасть.

— Дыши, — сказал он. — Медленно. Вдох — раз, два, три. Выдох — раз, два, три. Давай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.